

Тянь Ци не знала, какие важные дела могли быть у её наставника. В его жизни самым важным делом, пожалуй, было лишь волочиться за дворцовыми служанками.

Однако она всё же отправилась к наставнику Дин Чжи. Тот с крайне суровым видом сообщил ей:

— В последнее время будь начеку. Похоже, надвигается большая беда.

Тянь Ци удивилась:

— Что случилось?

Дин Чжи объяснил всё как есть. Оказалось, у него во дворце Цынин была зазноба по имени Юэ Жун. Сегодня она передала ему, что кто-то наговорил на Тянь Ци перед вдовствующей императрицей. Та пришла в ярость, и неизвестно, что она теперь сделает с Тянь Ци. Когда Дин Чжи спросил, кто именно и что именно наговорил, Юэ Жун, не будучи приближенной служанкой, толком ничего не знала. Ей было известно лишь, что доносчик — младший соученик Сунь Дали, чей наставник когда-то служил Шуфэй и погиб вместе с ней, когда та попала в опалу.

Стало быть, этот человек определенно затаил на Тянь Ци злобу. Юэ Жун лишь случайно услышала имя Тянь Ци, а когда тот человек ушёл, лицо вдовствующей императрицы было чернее тучи. Юэ Жун почувствовала неладное и тайком пришла предупредить Дин Чжи.

Выслушав всё, Дин Чжи спросил:

— Что же ты такое натворила, что так разозлила вдовствующую императрицу?

Тянь Ци призадумалась. Она действительно совершила несколько опрометчивых поступков. Хотя император и простил её, но если вдовствующая императрица узнает, что этот евнух плохо обходится с её сыном, вряд ли она будет снисходительна.

Да и от таких тайных наветов защититься почти невозможно. Она всего лишь мелкий евнух. Стоит врагу наговорить пару лишних слов, как вдовствующая императрица, руководствуясь принципом лучше верить в худшее, просто прикажет казнить мальчишку — невелика потеря.

Тянь Ци покачала головой:

— Сейчас уже поздно рассуждать об этом. Важно не то, в чём я провинилась, а то, как она собирается со мной расправиться.

Дин Чжи был в отчаянии:

— А как ещё? Судя по словам Юэ Жун, она не собирается оставлять тебя в живых. Ци-эр, если у тебя остались какие-то незаконченные дела, скажи наставнику. Я всё исполню, чтобы ты могла уйти со спокойной душой. — С этими словами он поднял рукав, вытирая слёзы.

— Нет, наставник, не надо так сразу рыдать, — в голосе Тянь Ци прозвучала досада. — Возможно, ещё не всё потеряно.

— Как тут исправишь? Она ведь вдовствующая императрица! Ей сжить тебя со свету проще, чем раздавить муравья.

Дин Чжи был прав. Как бы умна и красноречива ни была Тянь Ци, перед властью

вдовствующей императрицы это не имело никакого значения.

Тянь Ци подпёрла подбородок рукой и немного поразмыслила:

— Я человек императора, она не может прислать людей, чтобы просто удавить меня. Если она хочет со мной покончить, то первым делом постарается убрать меня из свиты государя. Но мать, которая без всякой причины меняет людей рядом с сыном, выражает ему неуважение. Вдовствующая императрица — женщина осторожная и не станет так поступать. Значит, её предложением будет то, что этот слуга ей приглянулся и она хочет забрать его во дворец Цынин. Император, стремясь проявить сыновнюю почтительность, не сможет отказать.

Дин Чжи, выслушав её рассуждения, схватился за голову:

— К чему ты клонишь?

— Я хочу сказать, что должна намертво вцепиться в дворец Цяньцин и никуда не уходить. Сначала надо потянуть время, разобраться, какую клевету на меня наплели, и действовать по обстоятельствам. Даже если в итоге мне суждено умереть, лучше прожить ещё хотя бы день.

— Легко сказать, а как тянуть время?

— У меня есть способ.

— Ван Мэн, смешай мне яду, — Тянь Ци пришла в Управление вин, уксуса и лапши и перехватила Ван Мэна, когда тот закончил смену.

— Хорошо, какой именно?

— Такой, чтобы после приёма казалось, будто подхватил заразную болезнь.

— Понял, — кивнул Ван Мэн. — Тебе оспу или чуму? Чтобы с летальным исходом или без?

Тянь Ци вздрогнула:

— Есть что-то другое?

— Есть. Сначала скажи, кому давать будешь.

— Сама выпью.

Ван Мэн окинул её странным взглядом:

— Что с тобой?

Тянь Ци постучала его по голове:

— Не болтай лишнего. Мне нужно средство, от которого вид станет пугающим, но на самом деле оно будет безопасным, и чтобы диагноз можно было поставить без пульса.

Ван Мэн задумался:

— Как насчёт кожной сыпи, похожей на ветрянку?

— Настоящей?

— Поддельной. Высыпет немного, но не так серьёзно, смертельной опасности нет.

Тянь Ци заметила, что Ван Мэн, обычно робкий, как сморщенный баклажан, преображается, когда речь заходит о медицине — его глаза светятся, а речь становится гладкой. Она поверила в его мастерство и похлопала его по плечу:

— Давай это. Моя жизнь теперь в твоих руках.

— Когда нужно?

— Чем скорее, тем лучше.

Ван Мэн не вернулся в Тринадцатый отдел, а отправился вместе с Тянь Ци в Зал Анлэ.

Это место предназначалось для лечения дворцовых слуг. Ван Мэн, изучая медицину, не мог довольствоваться одними книгами — для практики требовались пациенты, поэтому он часто помогал здесь. Условия в Зале Анлэ были плохими, лекари — безынициативными, поэтому они были только рады бесплатной помощи Ван Мэна. Никто не удивился, увидев его с Тянь Ци.

Ван Мэн выписал рецепт для имитации ветрянки. Поскольку все рецепты в Зале Анлэ подлежали архивации, Тянь Ци, опасаясь разоблачения, велела разделить рецепт на две части: одну записать на имя Тянь Ци, другую — на Ван Мэна. Так по отдельности никто ничего не заподозрил бы.

На следующий день Цзи Хэн с раннего утра и до окончания утреннего доклада не видел Тянь Ци и не выдержал, спросил Шэн Аньхуа.

Тот ответил:

— Докладываю Вашему Величеству, Тянь Ци с утра лихорадит, у него ветрянка, его уже отправили в изолятор Зала Анлэ.

Цзи Хэн удивился: как это вдруг ветрянка?

— Приставьте кого-нибудь, пусть присмотрят за ним как следует.

— Слушаюсь.

Шэн Аньхуай подождал, но иных распоряжений не последовало. Обычно, если слуга подхватывал такую болезнь, господин испытывал отвращение и просто выпроваживал больного на все четыре стороны. Но раз император не обмолвился об этом ни словом, Шэн Аньхуай всё понял: Тянь Ци остаётся в штате и по выздоровлении вернётся к службе.

После доклада Цзи Хэн отправился во дворец Цынин навестить вдовствующую императрицу. Жуи уже проснулся, позавтракал и теперь сидел у неё на коленях, распевая детские песенки. Слова он выдумывал сам, и, кроме рифмы, никто не мог понять смысла.

Видеть сына таким оживлённым было радостно, и Цзи Хэн немного поиграл с ним.

Вскоре вдовствующая императрица велела унести Жуи, а затем завела разговор о Тянь Ци:

— У тебя есть маленький евнух, я видела его несколько раз, очень смышлёный, Жуи к нему

особенно привязан.

Цзи Хэн ответил:

— Матушка говорит о Тянь Ци?

— Да, именно о нём. Жуи чуть что — сразу вспоминает его. Я подумала, раз ребёнок нашёл слугу по душе, почему бы не перевести его во дворец Цынин, чтобы он каждый день был рядом с Жуи? Как ты на это смотришь?

Цзи Хэн сразу почуял неладное. Матушка никогда не просила у него людей. Даже если Жуи нравится слуга, ребёнок может чаще приходить во дворец Цяньцин, между ними нет никаких преград. Почему же она настаивает на переводе?

Тем не менее, раз мать сама попросила, он не мог отказать:

— Если матушка оценила этого слугу, это его большая удача. Но вот незадача: Тянь Ци сегодня слёг с ветрянкой и уже помещён в Зал Анлэ. Если ему повезёт выжить, и если матушка не побрезгует его рябым лицом, тогда и заберёте к себе.

— Ветрянка? — Вдовствующая императрица не ожидала такого поворота. — Жаль, такой хороший ребёнок, но теперь, когда он стал заразным, держать его при себе нельзя.

Подразумевалось: либо прикончить, либо прогнать.

Цзи Хэн слегка нахмурился, но тут же разгладил лицо:

— Матушка права. Но ветрянка — не такая уж страшная болезнь. Если прогнать слугу сразу, как только он заболел, это покажется жестокостью. Я думаю, пусть он побудет в Зале Анлэ, а там видно будет.

Вдовствующая императрица кивнула:

— Ты прав, я слишком беспокоюсь о тебе, вот и поторопилась.

— Сердце матушки полно доброты, я глубоко тронут.

Цзи Хэн всё больше чувствовал, что дело нечисто. Тянь Ци заболел, и тут же мать просит его отдать. Слишком уж удачное совпадение. Он немедленно вызвал Шэн Аньхуа:

— Во дворце Цынин в последнее время было что-то необычное?

Шэн Аньхуай знал подноготную. Он был главным евнухом, и всё, что касалось его ведомства, не могло укрыться от него. Сначала он хотел остаться в стороне — как бы он ни ценил Тянь Ци, ссориться с вдовствующей императрицей не хотелось. Но раз она не открыла императору причин, Шэн Аньхуай, поразмыслив, решил доложить всё как есть. Император — его истинный господин.

— Докладываю Вашему Величеству: говорят, вчера евнух из Императорской конюшни ходил во дворец Цынин к вдовствующей императрице. Мой ученик знает его, сказал, что тот человек в последние дни постоянно твердил, будто у Тянь Ци слишком тяжёлая судьба, приносящая несчастья хозяевам.

Цзи Хэн нахмурился:

— Полный вздор.

На самом деле Шэн Аньхуай отчасти верил в это и осторожно напомнил:

— Три предыдущих господина Тянь Ци скончались в течение месяца после его появления.

Цзи Хэн парировал:

— Он при мне уже больше месяца, почему же я до сих пор жив?

Шэн Аньхуай в страхе бухнулся на колени:

— Ваше Величество, вы — сын Неба, умоляю, не говорите таких вещей!

— Ты знаешь, что значит не спрашивать людей, а спрашивать духов?

— Раб не знает.

— ...

Цзи Хэн почувствовал горечь одиночества. Слуги глупы, женщины в гареме — тоже не собеседники. Шэн Аньхуай — человек понятливый, но и только. Тянь Ци был умён, но вечно доводил его до белого каления, а наказать его было нельзя.

Вспомнив о Тянь Ци, Цзи Хэн усмехнулся. Этот маленький извращенец оказался довольно смелым, раз придумал такой способ оттянуть время. Хорошо, что он слышал слухи заранее, иначе сегодня императору было бы трудно его защитить. Мать тоже нужно уважать, но окажись Тянь Ци во дворце Цынин, дни его были бы сочтены.

С этими мыслями Цзи Хэн сказал Шэн Аньхуаю:

— Вставай, пойдём в Зал Анлэ.

Тянь Ци очень жалела. Рассчитывая всё, она забыла учесть чувства императора...

Если он узнает, что она заболела ветрянкой, разозлится и выгонит её из дворца Цяньцин, ей всё равно конец.

Сейчас ей очень хотелось увидеть императора, польстить ему, показать свою верность, чтобы он не бросил её в этот момент и дал время очистить своё имя.

Сидеть в одиночестве было невыносимо скучно. Тянь Ци свернулась на деревянной кровати, обнимая палку, закрыла глаза и забормотала:

— Небеса милостивые, пусть император пройдёт мимо — превращайся!

Она открыла глаза и увидела человека, стоявшего за окном.

— А-а-а! — от испуга Тянь Ци свалилась с кровати.

У Цзи Хэна дёрнулся глаз. Он спросил лекаря, сопровождавшего его:

— Он что, от лихорадки умом тронулся?

Лекарь воспользовался случаем, чтобы пожаловаться:

— Ваше Величество, он не подпускает к себе и не принимает лекарств.

Цзи Хэн повернулся к Тянь Ци:

— Что с тобой? Жить надоело?

Тянь Ци поспешно вскочила с пола и, ухватившись за окно, взволнованно воскликнула:

— Ваше Величество, это правда вы? Я не сплю? Я ведь только вчера видела вас во сне!

Цзи Хэн почувствовал бессилие, но лицо его смягчилось. Он смотрел на человека перед собой: нежное личико, которое он привык видеть, теперь было покрыто сыпью — зрелище жалкое. Но даже это не могло скрыть радости в глазах Тянь Ци. Цзи Хэн нахмурился:

— Почему не принимаешь лекарства?

Потому что я не больна, подумала Тянь Ци. Она выдавила из глаз слёзы и сказала:

— Ваше Величество, я не то чтобы не хочу лечиться, я боюсь... Кто-то хочет меня погубить!

— Кто посмеет? — голос Цзи Хэна прозвучал неуверенно.

— Не знаю, но этот человек повсюду распускает обо мне слухи и хочет отравить. Я не боюсь смерти, я боюсь, что после смерти не увижу вас! Ваше Величество, я не могу без вас! Хочу служить вам всю жизнь!

Эта пафосная тирада была настолько притворной, что даже Шэн Аньхуай не выдержал. Хотя, возможно, причина была в том, что слова эти произносило рябое чудовище. Шэн Аньхуай думал, что император будет так же брезглив, но тот выглядел совершенно спокойным и, кажется, даже довольным.

Не зря он император, с восхищением подумал Шэн Аньхуай.

— Играй, продолжай играть, — Цзи Хэн заложил руки за спину, оставаясь невозмутимым.

— Это правда, Ваше Величество, умоляю, не прогоняйте меня... — Тянь Ци по-настоящему расплакалась. Слёзы потекли по щекам, и она подняла рукав, чтобы их вытереть.

— Стой! — воскликнул Цзи Хэн.

Тянь Ци замерла. Что опять?

Цзи Хэн нахмурился, глядя на её рукав. Ткань была грубой, если потереть лицо, можно содрать сыпь и останутся шрамы. Этот человек совсем не ценит свою внешность.

Задумавшись, Цзи Хэн бросил ей свой платок:

— Если останется хоть один шрам — можешь мне на глаза не показываться.

Тянь Ци уловила подтекст: если шрамов не будет, то и прогонять её не станут?

Она радостно воскликнула:

— Ваше Величество мудр и велик! Раб благодарит за милость!

Цзи Хэн словно снова увидел, как она виляет хвостом. Он нарочито сурово сказал:

— Не забудь принять лекарство. Непринятие лекарства — это неповиновение указу.

Тянь Ци с кислой миной ответила:

— Слушаюсь.

Цзи Хэн улыбнулся и ушёл.

Принять лекарство — не проблема, подумала Тянь Ци, пусть Ван Мэн сам его сварит. Я такая находчивая.

Стоит ли спасать Тянь Ци и как это сделать — вот в чём вопрос.

Цзи Хэн никогда не верил в приметы, хотя при необходимости использовал их, чтобы дурачить других.

Но вдовствующая императрица верила. Цзи Хэн не хотел спорить с матерью, но и не хотел идти у неё на поводу. Однако смотреть, как Тянь Ци погибнет, было жаль. Да, действительно жаль. Этот маленький извращенец не был идеалом, но с ним жизнь Цзи Хэна стала ярче. К тому же, Жуи очень любил Тянь Ци, и если тот умрёт, малыш будет очень грустить.

Идти против матери ради слуги? Это невозможно.

Не найдя решения, Цзи Хэн перестал думать. Пусть Тянь Ци пока посидит в Зале Анлэ, а там видно будет. Он приставил к нему людей из дворца Цяньцин, так что опасность ему не грозила.

На следующий день был выходной. Но после обеда поступило несколько докладов. Цзи Хэн удивился, с чего это чиновники вдруг стали такими рьяными.

Содержание докладов было почти одинаковым.

Цензоры выражали крайнюю озабоченность по поводу двух случаев, когда люди бегали голыми. Если бы это был просто сумасшедший, никто бы не обратил внимания, но все трое были отпрысками знатных семей. Их отцы занимали высокие посты, что заставляло задуматься.

Ситуация серьёзная, влияние — пагубное.

Цзи Хэн не мог понять, почему эти трое бездельников договорились бегать голыми, да ещё и на самой оживлённой улице Лунчан, причём двое сделали это в выходной. У глупости должен быть предел.

Следом пришли доклады от отцов этих юношей, которые поспешили покаяться.

Цзи Хэн подозревал, что они совещались, сочиняя тексты. Они каялись в плохом воспитании, приведшем к такому позору, и попутно намекали на связь с младшим сыном главы

секретариата Чжэна и с наложником князя Нин.

Слова «князь Нин» и «наложник» шокировали Цзи Хэна.

А-Чжэн держит наложника?

Цзи Хэн долго смотрел на доклад.

В наше время многие мужчины любят мужчин, поэтому никто не видел ничего плохого в том, что князь Нин завёл себе красивого мальчика. Но Цзи Хэн был старшим братом, и его первым делом обеспокоило то, что Цзи Чжэну всего шестнадцать, он даже не женат. Если он зайдёт слишком далеко, это станет проблемой для продолжения рода.

Да и, честно говоря, Цзи Хэн считал отношения между мужчинами... отвратительными.

Нет, крайне отвратительными.

Он решил поговорить с братом. Старший брат — как отец, и он имел право вмешаться в частную жизнь Цзи Чжэна.

Цзи Хэн принял решение и пожаловал брату двух красавиц. Их доставили в резиденцию князя Нин, где дворецкий, недолго думая, уложил обеих в постель к господину, заявив: «Ваше сопротивление бесполезно, это воля императора».

Цзи Чжэн продемонстрировал метод ненасильственного сопротивления: в ту ночь красавицы спали в одной комнате, а он — в другой. А на следующий день отослал их обратно. Шэн Аньхуай лишь покачал головой: надо же, родной брат императора, а не побоялся вернуть его подарок.

Цзи Хэн понял: раз вернул, значит, не тронул.

Он был в отчаянии.

В это время вдовствующая императрица вновь принялась настаивать на избавлении от Тянь Ци. На этот раз она притворилась, что сделала важное открытие, и пригласила даосскую монахиню, чтобы та объяснила Цзи Хэну, что Тянь Ци — это бедствие.

Цзи Хэн посмотрел на неё как на мошенницу и подумал: раз так, я тоже воспользуюсь мошенником.

На следующий день он пригласил в столице самого известного даоса и долго с ним беседовал. Вдовствующая императрица, услышав, что прибыл «бессмертный», захотела с ним встретиться.

Она пожаловалась ему на свои тревоги и дала посмотреть на дату рождения Тянь Ци. Даос сказал:

— Обычные люди видят в этой судьбе только угрозу, но не видят огромной выгоды.

— В чём же выгода?

— Этот человек по своей судьбе принадлежит к стихии металла, а металл порождает воду. Если он встретит господина, чья судьба подчинена воде, это принесёт пользу.

Вдовствующая императрица оживилась, ведь судьба Цзи Хэна была подчинена воде. Она немедленно приказала принести его дату рождения.

Даос долго считал, а потом тяжело вздохнул.

— Что скажете? — спросила императрица.

— Я впервые вижу столь идеальную совместимость.

...

Вдовствующая императрица была счастлива. Она тут же велела наградить Тянь Ци едой и сказала Цзи Хэну, чтобы он оставил того у себя.

Цзи Хэн лишился дара речи. Он не ожидал, что такая сложная проблема решится словами старого даоса. Мошенники тоже бывают полезны.

Даос понимал, что император не верит его словам, и обиделся:

— Ваше Величество, я сказал чистую правду.

— Хорошо, наградить, — равнодушно бросил Цзи Хэн.

Даос ушёл из дворца, таща мешок с золотом и драгоценностями, и злился: раз не веришь, не буду с тобой обсуждать твои будущие беды.

На следующий день у Тянь Ци всё прошло, и она вернулась к службе. Она была безмерно благодарна и осыпала императора комплиментами. Цзи Хэн, будучи в хорошем настроении, простил ей болтливость.

С этим делом было покончено. Теперь пора заняться личной жизнью брата.

Цзи Хэн всё ещё хотел подтвердить слухи о наложнике, прежде чем действовать. Да и, учитывая внешность брата, он подозревал, что это сам А-Чжэн — тот самый «наложник»...

Но донесения гласили: в резиденции князя нет никаких наложников. Зато другие говорили, что видели, как князь гуляет по городу с красивым молодым человеком.

Цзи Хэн прищурился. Значит, наложник есть, но живёт не в резиденции? Какая осторожность! Видимо, А-Чжэн очень дорожит им.

Он решил лично взглянуть на этого «маленького кролика».

Цзи Чжэн после обеда вышел из дома и направился в банк, куда часто заходила Тянь Ци. Сегодня был день, когда она выходила из дворца, и первым делом она всегда шла туда вносить деньги.

Действительно, вскоре появилась Тянь Ци.

Они были в хороших отношениях, поэтому церемонии были ни к чему. Поболтав, они вышли из банка и пошли рядом по улице, обсуждая, куда пойти развлечься.

Они не заметили, что за ними наблюдают гневные глаза.

Вдруг мимо них быстро проехала тележка, едва не задев Тянь Ци. Цзи Чжэн среагировал мгновенно, дёрнул её на себя. Тянь Ци врезалась в него, избежав удара.

— Благодарю, Ваше Высочество, — сказала она, пытаясь высвободить руку, но Цзи Чжэн держал её крепко.

— Здесь опасно, — прошептал он, не отпуская руки.

Тянь Ци позволила ему вести себя. Они вышли с улицы Лунчан и вскоре оказались у театра «Сыси».

Там давали пьесу о влюблённых, сбежавших от родителей. История была печальной, а стихи — откровенными. Цзи Чжэн покраснел, украдкой поглядывая на Тянь Ци, но та была абсолютно спокойна и даже отбивала ритм.

Тянь Ци слушала пение, не вникая в смысл слов, — просто голос звучал мягко и приятно. По правде говоря, она понимала лишь самую малость. Во-первых, это была куньшаньская опера, с её специфическим распевом, а не официальный язык, так что слов она всё равно не разобрала бы. Во-вторых, как уже упоминалось, её знания о взаимоотношениях мужчин и женщин были крайне скудны и ограничивались лишь тем, что от совместного сна у них появляются дети. Даже если бы ей дали прочитать текст этой весьма откровенной арии, она вряд ли поняла бы, о чём там речь.

Цзи Чжэн об этом не догадывался. Видя, как невозмутимо и с таким интересом Тянь Ци слушает фривольные куплеты, он невольно начал домысливать. А ведь стоит человеку дать волю воображению, как в голове рождается целая картина. Сопоставив поведение Тянь Ци и её прежние слова, Цзи Чжэн пришёл к ошеломляющему выводу: неужели она к нему... неровно дышит?

От этой догадки сердце у него застучало, словно барабан, а лицо залилось густой краской. Он опустил голову, не смея больше смотреть на Тянь Ци.

Та же по-прежнему ничего не замечала. Постукивая складным веером по ладони и покачивая головой в такт, она была полностью поглощена мелодией. Взаимодействие актёров на сцене было весьма занятным, и, сидя в первом ряду, она прекрасно всё видела. Хотя некоторые жесты оставались для неё загадкой, это ничуть не мешало ей наслаждаться зрелищем.

Внезапно обзор ей перекрыли.

Между ней и сценой возник человек, вставший менее чем в двух футах. На нём был ярко-красный халат с широким поясом, и взгляд Тянь Ци упёрся прямо в край этого пояса. По тёмному узору на шелковой ткани пробежала дрожь, вторя его тяжёлому дыханию — он явно сдерживал гнев.

У Тянь Ци появилось дурное предчувствие. Не смея поднять глаза, она уставилась на пояс,

притворяясь дурочкой.

Цзи Чжэн поднял голову и, увидев помрачневшего Цзи Хэна, осторожно произнёс:

— Старший брат...

Цзи Хэн бросил на него тяжёлый взгляд, грубо схватил Тянь Ци и потащил прочь. Цзи Чжэн было собрался подняться, чтобы последовать за ними, но стоило ему приподняться с места, как Цзи Хэн обернулся и так на него зыркнул, что тот покорно сел обратно.

Тянь Ци не понимала, что стряслось с Императором, но было ясно, что он снова в ярости. Она прикинула: вероятно, ошибка была в том, что она пришла в театр. В конце концов, она — Инспектор народных нравов, и, покинув дворец, должна была усердно исполнять долг, а не развлекаться в увеселительных заведениях.

Но даже если так, зачем Императору самому бежать и следить за ней?

Точно, у него опять приступ безумия.

Цзи Хэн вытащил Тянь Ци из театра и провёл ещё довольно далеко, пока они не оказались в безлюдном уединённом месте. Там он отшвырнул её, и лицо его по-прежнему не предвещало ничего хорошего.

Тянь Ци втянула голову в плечи и заискивающе улыбнулась:

— Господин Хуан... вы как здесь оказались?

Цзи Хэн пристально посмотрел на неё:

— А я не должен был? Есть что-то, чего мне нельзя видеть или знать?

— Нет, что вы... — под его тяжёлым взглядом Тянь Ци занервничала и невольно отступила на два шага, слабо оправдываясь: — Я зашла в театр, чтобы собрать сведения о народных нравах. Там ведь собираются люди всех сословий, это настоящий перекрёсток слухов.

Цзи Хэн шагнул вперёд, сокращая дистанцию. Тянь Ци снова отступила, но он продолжал надвигаться, не отрывая от неё глаз, пока наконец не загнал в угол.

Прижавшись спиной к холодной каменной стене, Тянь Ци не знала, куда деть руки. От пронизывающего взгляда Цзи Хэна у неё мурашки побежали по коже.

— Тянь Ци, — наконец произнёс он, — ещё пару дней назад ты уверяла, что не можешь ни есть, ни спать, так тоскуешь по мне, а сегодня уже за ручку с А-Чжэном слушаешь пошлые песенки.

— А? — Тянь Ци растерялась. Поворот темы был неожиданным, но что именно хотел сказать Император?

Цзи Хэн собирался говорить совсем не об этом, но, глядя на её испуганное, обиженное личико, он лишь почувствовал, как гнев разгорается с новой силой, и слова вырвались сами собой. Лицо его помрачнело ещё сильнее:

— Я знаю, что тебе нравятся мужчины.

— !!! — Тянь Ци онемела от ужаса. Неужели он раскрыл её тайну?! Всё пропало!

Цзи Хэн увидел, как она побледнела, и принял это за признак вины. Разъярённый ещё больше, он схватил её за воротник и легко приподнял, так что их лица оказались почти вплотную. В глубине её глаз он увидел страх и замешательство.

Сдерживая желание задушить её на месте, он сквозь зубы процедил:

— Но мне плевать, кого ты там соблазняешь, к Ван Нину приближаться запрещаю!

Тянь Ци была близка к тому, чтобы сойти с ума от этого безумного монарха. Если он раскрыл её личность, разве не должен он сейчас злобно хохотать и пытаться её или сразу казнить? При чём тут Ван Нин?

Заметив её растерянность и невинный вид, Цзи Хэн рявкнул:

— Ты что, настолько ненасытна?

Ненасытна — значит, ищет любви, и из-за этого она якобы крутится возле Ван Нина... Тянь Ци лихорадочно сопоставила факты и пришла к шокирующему выводу: Император подозревает её в попытке соблазнить его брата!

Что за бред...

Тянь Ци знала, что в мире существуют подобные страсти, и теперь стало ясно: Император просто принял её за гомосексуала, а не раскрыл её истинный пол. Евнух, который пытается подкатить к родному брату Императора — конечно, такой гнев понятен.

Поняв это, она выдохнула: по крайней мере, жизнь спасена. Она схватилась за руки Цзи Хэна, пытаясь их разжать — стоять на цыпочках было невыносимо.

— Господин, это недоразумение. Пожалуйста, отпустите меня, дайте объясниться... — с трудом попросила она.

Силы у неё было немного, но от прикосновения её мягких рук Цзи Хэн почувствовал неладное. Он отпустил её и холодно уставился, ожидая объяснений.

Тянь Ци слегка похлопала себя по груди, подумав, что после такой реакции Император всё равно не поверит, если она скажет, что не любит мужчин. Лучше признаться сразу.

— Моя тяга к мужчинам — это врождённое, я ничего плохого не делаю, — она постаралась выглядеть как можно обиженнее.

— Но ты не должен развращать А-Чжэна.

Тянь Ци хихикнула и поспешно переключилась на режим лести:

— Да у нас с Ван Нином ничего и нет, просто пару раз пообщались. Посудите сами: я каждый день вижу такого статного, талантливого и прекрасного господина, как вы, зачем мне искать кого-то на стороне?

Лесть достигла цели, и Цзи Хэн немного смягчился:

— В народе поговаривают, что ты — любовник Ван Нина. Как это объяснишь?

— Слухами земля полнится, чем больше оправдываюсь, тем подозрительнее. У нас с Ван Нином чистые отношения, мы просто случайно встретились и решили сходить в театр. Мудрый человек не верит сплетням, а вы, мой мудрый и величественный господин, конечно же, не поверите в такие низости.

Цзи Хэн одарил её испытующим взглядом, а Тянь Ци смело встретила его глаза. На этот раз её совесть была чиста.

— Значит, ты мечтаешь обо мне? — внезапно спросил он.

— Кхе-кхе... нет... — хоть у Тянь Ци и была толстая кожа, но, будучи девушкой, она не могла не смутиться. Она опустила голову, и её лицо мгновенно залил румянец.

Для Цзи Хэна это было равносильно признанию. Когда речь шла о Ван Нине, этот маленький извращенец не смущался, а стоило заговорить о нём — и вот результат. Ответ был очевиден.

Вместо отвращения к «извращенцу» в душе Цзи Хэна зародилось маленькое, едва уловимое чувство гордости.

Тянь Ци поспешила добавить:

— Господин, вы слишком много думаете. Вы — облака в небе, а я — дорожная пыль, как я могу

сметь питать к вам такие чувства!

Цзи Хэн хмыкнул:

— Пошли, возвращаемся во дворец. — Он развернулся, и уголки его губ невольно дрогнули в едва заметной улыбке.

Тянь Ци, шедшая позади, этого не увидела. Угроза миновала, она с облегчением выдохнула и побежала за ним. Делать нечего: ноги у Императора длинные, шаг широкий, идёт быстро. Ей, с её куда более короткими ногами, приходилось почти бежать трусцой.

Через некоторое время она подустала и замедлила шаг.

Цзи Хэн вдруг остановился и недовольно оглянулся:

— Почему плетёшься? Даже черепаха быстрее тебя.

Тянь Ци обиженно прибавила ходу, поравнявшись с ним.

Вдруг он взял её за руку.

Так, ведомая Императором, она и дошла до самого дворца, и лишь у ворот Сюанью он её отпустил. Всё это время Император хранил молчание и не менялся в лице, но шагал стремительно. Тянь Ци едва поспевала за ним, постоянно спотыкаясь и натываясь на него.

К счастью, Император был в хорошем расположении духа и не стал придирается, чему Тянь Ци была несказанно рада.

<http://bllate.org/book/22267/2330915>